

Хохолушек Прокопий

Косово поле

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П80

П80 **Прокопий Х.**
Косово поле / Хохолушек Прокопий – М.: Книга по Требованию, 2023. – 120 с.

ISBN 978-5-521-29347-6

ISBN 978-5-521-29347-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОСОВО ПОЛЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ЭПОХИ

покоренія Сербіи Турками въ XIV вѣкѣ.

Соч. П. ХОХОЛУШКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

Николая Задерацкаго.

Второе исправленное изданіе.

Кіевъ.

Тип. С. Т. Ермѣева Библиотекій бульваръ собст. домъ.

1874.

6

~~~~~  
Дозвол. Цензурою. Кієвъ. 25 Сентября 1873 г.  
~~~~~

КОСОВЪ ПОЯСЪ.

I.

Царь Лазарь готовится къ войнѣ съ турками.

Въ Призренѣ, когда-то славной столицѣ сербскаго царства, царь Лазарь устроилъ большой съѣздъ. Боснійскій князь, Твартко, албанскій банъ, Юрій Стратиміровичъ Балжа, владѣтель Скадры и обширной окрестной области, Кастріота,—лично явились по приглашенію Лазаря. Шишманъ болгарскій ради важности совѣщанія прислалъ въ Призренъ пословъ своихъ. Самъ царь Лазарь собралъ вокругъ себя знаменитыхъ воеводъ и зятей своихъ, Милоша Обилича и Вука Бранковича, съ ихъ многочисленной дружиной.

»Мусульмане, писалъ Лазарь, прошли уже съ огнемъ и мечемъ всю Азію, Царьградъ уже въ ихъ власти, и они грозятъ разрушеніемъ

тысячелѣтней державѣ греческихъ царей. Они принудили уже платить имъ дань Болгарію; а нижняя Албанія занята ихъ басурманскими ордами. По городамъ и селамъ,—гдѣ не раздавались прежде другіе звуки, кромѣ колоколовъ, зовущихъ Христово стадо въ православныя церкви, гдѣ слышалось христіанское пѣніе, прославляющее Господа,—звучитъ теперь грубый, пронзительный голосъ муэззима *). Народъ православный, видя такое униженіе своей вѣры, горюетъ, взывая къ Богу объ умилоствленіи. Несогласія и эгоизмъ князей, для которыхъ кусокъ земли, добытый, съ басурманскою помощью, у сосѣда, милѣе славы Христа, славы родины, не оставляютъ народу ничего, кромѣ надежды на благость и милосердіе Божіе. Но тщетны мольбы! Опасность подступаетъ все ближе и ближе къ славянской странѣ; она подмыла уже престолъ царей сербскихъ—эту опору южнаго славянства,—а какъ только онъ будетъ низвергнутъ, горе христіанскимъ народамъ, которые подпадутъ подъ тяжкое иго турецкаго владычества.»

*) Муэззимъ—служитель мечети, созывающій на молитву.

»Къ сожалѣнію, насъ часто раздѣляли междоусобія. Мы сами, возставая другъ на друга, прокладывали дорогу главнѣйшему недругу своему, кровавому врагу Христовой вѣры. Забудемъ хотя однажды свои усобицы: общая опасность отражается только общимъ, единодушнымъ отпоромъ. Соединимся хотя однажды на гибель басурманству, во имя святой православной вѣры, во имя народа и родины!«

Такъ гласило посланіе, къ окружнымъ князьямъ—вассаламъ царя Лазаря. Повинуясь приказу, князья прибыли лично. Только Шишманъ болгарскій,—какъ птица въ клѣткѣ, запертый мусульманами,—отправилъ тайкомъ пословъ на Призренскій съѣздъ.

Въ концѣ мая 1389 г., въ Призренскомъ патріаршемъ соборѣ, патріархъ Ефремъ совершалъ торжественную обѣдню, въ присутствіи князей, воеводъ и ихъ дружины. По правую сторону алтаря стояли князья; надъ ними развѣвалось сербское народное знамя, драгоценный памятникъ, освященный древнимъ пророчествомъ, по которому »никто не будетъ властвовать надъ славною Сербіей, пока не за-

*

хватить въ свои руки этого знамени!« Его, по народному преданію, снесли съ неба ангелы, при коронаціи царя Душана. Поэтому-то знамя сохранялось въ особомъ придѣлѣ главнаго алтаря среди другихъ священныхъ предметовъ и выносилось оттуда только при самыхъ важныхъ случаяхъ. Достойнымъ носить это священное знамя признавался только первѣйшій изъ воеводъ; но въ настоящемъ случаѣ трудно было сдѣлать выборъ изъ двухъ соперниковъ, претендовавшихъ на важную должность знаменосца.

Милошъ Обиличъ и Вукъ Бранковичъ, царскіе зятья, знаменитые на войнѣ и въ совѣтѣ, повидимому, были равно достойны этого званія. Однакожъ Обиличъ пользовался большей любовью царя и расположеніемъ народа; Бранковича же какъ-то мало любили, хотя и удивлялись его славнымъ подвигамъ. Вотъ почему Обиличъ былъ единогласно признанъ достойнымъ нести славное сербское знамя при великомъ народномъ торжествѣ.

Бранковичъ уступилъ ему, молча, но багровѣвшее и потомъ блѣднѣвшее лицо его ясно

говорило, съ какимъ трудомъ и усиліями этотъ гордый воевода переносилъ нанесенное ему оскорбленіе. Ослѣпленный самолюбіемъ и гордостію, онъ считалъ себя первѣйшимъ человѣкомъ послѣ царя. Онъ внутренно кипѣлъ ненавистью и злобой, но ни однимъ словомъ не выдалъ затаенныхъ чувствъ своихъ. Съ видимымъ спокойствіемъ Бранковичъ стоялъ позади царя, весь, казалось, погруженный въ благоговѣніе при священнодѣйствіи. Но мысли его далеко бродили; губы были стиснуты; руки крѣпко сжаты; тяжелый вздохъ по временамъ вырывался изъ его стѣсненной груди. Если невольно глаза его останавливались на Обиличѣ, или Лазарѣ, то они мгновенно загорались такой злобной искрой, что онъ поскорѣе старался опустить ихъ въ землю, боясь, чтобы не замѣтилъ кто-нибудь этого. Но быстрота его душевныхъ движеній скрyla ихъ отъ вниманія присутствующихъ, которые были всецѣло преданы священнодѣйствію. Въ цѣломъ собраніи отъ двухъ только лицъ не ускользнуло самое малѣйшее движеніе его. По лѣвую сторону отъ алтаря сидѣла царица Милица съ своими до-

черьми: Марой, женой Вука Бранковича, Вукосавой, женою Милоша Обилича, и красавицей—Милевой, воспѣтой въ сербскихъ пѣсняхъ, обѣщавшихъ рай жениху ея.

»Славенъ и знаменитъ воевода Вукъ Бранковичъ; прекрасная, какъ заря вечерняя, Мара Лазаревна вполне достойна его богатырскаго ложа. Но славенъ и знаменитъ еще больше Милошъ Обиличъ; а Вукосава Лазаревна прекрасна, какъ звѣзда на разсвѣтѣ; она по всѣмъ правамъ достойна своего мужа. Кому же достанется красавица Милева,—сіяющая какъ утренняя заря, соперничающая съ луной своимъ серебристымъ блескомъ,—тотъ долженъ быть еще славнѣе и знаменитѣе Вука Бранковича и Милоша Обилича вмѣстѣ.«

Тщеславная, честолюбивая Мара занимаетъ только третье мѣсто въ пѣснѣ народныхъ поэтовъ. Ей не стерпѣть такой обиды безъ борьбы, безъ отпора. Глубокая ненависть издавна уже укоренилась въ ней къ ея сестрамъ: она только и думаетъ, какъ бы превзойти своихъ соперницъ, хотя онѣ и ея родныя сестры. И сегодня опять, видя, что преимуще-

ство отдано, передъ ея мужемъ, Обиличу, она, въ его лицѣ, считаетъ обиженною самоё себя. Не спуская съ мужа глазъ, она съ удовольствіемъ видитъ на его лицѣ признаки внутренней бури, подобно появляющимся и вновь исчезающимъ тучамъ на небѣ. Закрытая покрываломъ, Мара злобно ухмыляется, въ ея головѣ бродятъ обширные планы, далеко негармонизирующіе съ предметомъ сегодняшняго торжества.

Среди церкви, въ половину закрытый клиросомъ, но имѣя возможность видѣть все передъ нимъ совершающееся, стоитъ молодой человѣкъ средняго роста. Его искрящійся взглядъ безпрестанно перебѣгаетъ по церкви отъ предмета къ предмету. Хотя на немъ и сербскій костюмъ, но не трудно угадать, что ему въ немъ не ловко. Обликъ его румянаго лица, вѣроятно, загорѣлъ подъ болѣе палящимъ солнцемъ, чѣмъ сербское. Иногда поднявъ повелительно голову, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на стоящихъ вокругъ него. Такъ можетъ смотрѣть только восточный деспотъ на своихъ подданныхъ. Но въ одно мгновеніе онъ снова

становится спокойно-равнодушнымъ. При самыхъ торжественно-святѣйшихъ минутахъ богослуженія, губы его невольно складываются въ презрительную гримасу. Но, видно, онъ не хочетъ выдать себя: какъ и всѣ преклоняетъ голову, бьетъ поклоны и крестится.

—Это православный!—думаютъ, хотя и не знаютъ, кто онъ, его сосѣди. Да и какъ же знать всѣхъ пріѣзжихъ витязей и придворныхъ, состоявшихъ въ свитѣ князей?

Чаще и продолжительнѣе останавливается взглядъ этого страннаго незнакомца на Букѣ Бранковичѣ. Онъ какъ будто любитъ признаками неудовольствія, пробѣгающими по лицу воеводы. При этомъ всякій разъ радостью загорается взглядъ витязя, и онъ спокойно, подражая другимъ, бьетъ поклоны. Обращая по временамъ свой взоръ къ лѣвой сторонѣ отъ алтаря, гдѣ молилась царица съ дочерьми, онъ вдругъ смутился: такъ прекрасна была Милева, хотя, сквозь густое покрывало, онъ и не видѣлъ вполне ея молодаго лица, »подобнаго утренней зарѣ,« не видѣлъ »солнца ея глазъ.« Обманутый всякій разъ надеждою увидѣть ее безъ